

История, показанная в кино (Story shown in a movie)

Сомсиков Александр Иванович (Aleksandr Ivanovich Somsikov)

Аннотация. Комментарий к просмотру фильма Сокурова «Телец».

Приложен перевод статьи с русского языка на английский.

Abstract. Commentary on watching Taurus by Sokurov. Attached is the translation of the article from Russian into English.

Всегда смотрю мало и с опаской отечественное кино. Поскольку велик риск напороться на какую-нибудь очередную гадость.

Но этот фильм режиссера Александра Сокурова посмотрел ради сценария интересного писателя Юрия Арабова.

И здесь уже просто свехреволюция – показывать Ленина без штанов, до этого нужно же было еще додуматься. Фильм 2000 года, а снимался, вероятно, в 1999, значит еще при Ельцине.

В принципе интересно, если бы не отдельные сцены.

Вот для сравнения как вообще «видят» историю англичане и русские. Первые это Диккенс, вторые – Гоголь.

Выбранный сюжет в принципе одинаков – четверо джентльменов у Диккенса отправляются путешествовать, делая путевые заметки – «Пиквикский клуб». Все, что они наблюдают занимательно и *забавно*, ничего мерзкого и отвратительного нет.

У Гоголя в общем то же самое – трое героев один из которых Чичиков, другой – его слуга Петрушка, а третий – кучер Селифан тоже отправляются в путешествие на сей раз по России.

И сразу картина радикально меняется. Прежде всего, сами герои. Барин – ни то, ни сё, не то, чтобы толст, но и не тонок, в общем, человек *без лица*.

Лакей Петрушка и того хуже – у него *ноги* не мыты, не то что в культурной Англии, где можно даже умыться из тазика (рукомойник еще не изобрели) Рис. 1.

Рис. 1. Английские «удобства» для гигиены истинного джентльмена.

Но главное обвинение... любит читать книги. Само его имя ПО-НАШЕМУ, ПО-ЕВРОПЕЙСКИ – Пьеро, а это карнавальная маска, изображающая *шута*, которого можно и должно постоянно лупить палками.

Книги, которые он читает, понятно, принадлежат барину, поскольку денег на их покупку он не имеет. И что особенно важно, в этих книгах имеются слова, которые «черт его знает, что и значат». Но даже и это его не останавливает, так велика страсть к учению.

Нам в школе, понятно, не объясняют, что это значит. Подразумевается, конечно же, непроходимая тупость Петрушки.

Но тот, кто когда-либо держал в руках или хотя бы просто видел книги 19 века, сразу поймет, о чем тут идет речь. Тогда ведь была такая мода – вставлять в русский текст *латинские* или *французские* слова и целые длинные фразы, конечно же, на латинице, и, разумеется, без всякого перевода. Поскольку «*всякий культурный человек был ОБЯЗАН это непосредственно понимать*». А тот, кто не понимает, например, самоучка Петрушка, разумеется, неуч и беспросветный болван.

Этим развлекались русские писатели, например, Лев Толстой. Вот характерное его начало «Войны и Мира».

«– Eh bien, mon prince. Genes et Lucques ne sont plus que des apanages, des поместья, de la famille Buonaparte. Non, je vous previens, que si vous ne me dites pas, que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocites de cet Antichrist (ma parole, j'y crois) – je ne vous connais plus, vous n'etes plus mon ami, vous n'etes plus мой верный раб, comme vous dites. Ну, здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur, садитесь и рассказывайте.

Так говорила в июле 1805 года известная Анна Павловна Шерер, фрейлина и приближенная императрицы Марии Феодоровны, встречая важного и

чиновного князя Василия, первого приехавшего на ее вечер. Анна Павловна кашляла несколько дней, у нее был грипп, как она говорила (грипп был тогда новое слово, употреблявшееся только редкими). В записочках, разосланных утром с красным лакеем, было написано без различия во всех:

«Si vous n'avez rien de mieux a faire, M. le comte (или mon prince), et si la perspective de passer la soiree chez une pauvre malade ne vous effraye pas trop, je serai charmee de vous voir chez moi entre 7 et 10 heures. Annette Scherer».

– **Dieu, quelle virulente sortie** – отвечал, нисколько не смутясь такою встречей, вошедший князь, в придворном, шитом мундире, в чулках, башмаках, при звездах, с светлым выражением плоского лица. Он говорил на том изысканном французском языке, на котором не только говорили, но и думали наши деды, и с теми тихими, покровительственными интонациями, которые свойственны состаревшемуся в свете и при дворе значительному человеку. Он подошел к Анне Павловне, поцеловал ее руку, подставив ей свою надушенную и сияющую лысину, и покойно уселся на диване.

– **Avant tout dites moi, comment vous allez, chere amie?** Успокойте друга, – сказал он, не изменяя голоса и тоном, в котором из-за приличия и участия просвечивало равнодушие и даже насмешка.

– Как можно быть здоровой... когда нравственно страдаешь? Разве можно оставаться спокойною в наше время, когда есть у человека чувство? – сказала Анна Павловна. – Вы весь вечер у меня, надеюсь?

– А праздник английского посланника? Нынче среда. Мне надо показаться там, – сказал князь. – Дочь заедет за мной и повезет меня.

– Я думала, что нынешний праздник отменен. **Je vous avoue que toutes ces fetes et tous ces feux d'artifice commencent a devenir insipides.**

– Ежели бы знали, что вы этого хотите, праздник бы отменили, – сказал князь, по привычке, как заведенные часы, говоря вещи, которым он и не хотел, чтобы верили.

– **Ne me tourmentez pas. Eh bien, qu'a-t-on decide par rapport a la depeche de Novosizoff? Vous savez tout.**

– Как вам сказать? – сказал князь холодным, скучающим тоном. – **Qu'a-t-on decide?»**

Ставящее современных читателей в положение такого же Петрушки.

Сейчас ведь французский язык к школьному изучению не обязателен, поэтому добавляют также и перевод. Но в 19 веке этого как бы не требовалось. Было и так понятно – всем, кроме *необразованного* Петрушки.

Нынешние писатели, к примеру, Пелевин, развлекается точно так же. Но лишь с английскими текстами «поскольку всякий культурный человек и т.д.»

Теперь представим себе другую картину. В английских книгах будут точно такие же вставки на РУССКОМ языке, набранные кириллицей.

Которые ВСЯКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ АНГЛИЧАНИН тоже обязан понимать без всякого перевода. Ну и каков при этом будет результат теперь уже у английского Петрушки? Пусть даже и «джентльмена».

Про кучера Селифана и говорить нечего. И едет эта троица по Руси, видя там сплошной мрак и непроходимый ужас.

То, что в Англии было ЗАБАВНО и весело у нас *и только у нас* – чудовищно и ужасно.

И это уже вовсе шутка, скорее злая сатира. Так что традиции нынешних всепропальщиков «либералов» тянутся еще со времен Гоголя.

Дело в принимаемой установке

Неясно прежде всего даже название фильма.

Что за Тельца имеют в виду?

Золотого, вызвавшего саму революцию Рис. 2 (фильм «Догма»).

Рис. 2. Золотой телец – причина всех войн и революций.

Или некой жертвы «за правое дело» Рис. 3.

Рис. 3. Заклание жертвенного тельца.

По сюжету им вроде бы должен быть Ленин. Сгоревший на работе, жертвуя собой «за дело революции».

Здесь интересна тенденция развития этого образа.

Сначала Ленин изображался сказителями в духе Василисы Премудрой – «махнула левой рукой – сделалось озеро, махнула правой – и поплыли по воде белые лебеди».

Вот Ленин пишет на коленке руководящие указания Рис. 4.

Рис. 4. Ленин пишет на коленке руководящие указания.

Махнет рукой влево – люди куда-то бегут Рис. 5.

Рис. 5. Махнет рукой влево – люди куда-то бегут.

Махнет вправо – тоже куда-то лезут.

Теперь другой перегиб – Ленин в виде античной купальщицы Рис. 6 – 7.

Рис. 6. Античная купальщица.

Рис. 7. Ильич в позе античной купальщицы.

С интересной демонстрацией задницы Рис. 8.

Рис. 8. Ленину измеряют температуру.

Сталин тоже показан творчески. Он приезжает проведать больного. И в пику Троцкому сфоткаться с ним на знаменитой скамейке. Ну, и какие к нему претензии?

Их тоже сразу находят. И даже три. Во-первых, слишком долго вылезит из машины. Во-вторых, в расхристанном виде в шинели ему не по росту Рис. 9.

Рис. 9. Сталин в расстегнутой чрезмерно длинной шинели.

Поневоле хочется спросить Рис. 10.

Рис. 10. – Так что мне сказать Застёгнутому? – Чтоб он расстегнулся («Ва банк»)

И, в-третьих, долго не может найти больного, заплутавшись в переходах дворца. Вот так *настоящий* художник умеет выделить «главное».

Реальный Сталин, вопреки мнению Сокурова, был аккуратен Рис. 11.

Рис. 11. Сталин входит на трибуну мавзолея
Расстёгнутости не наблюдается.

История, показанная в кино (Story shown in a movie)

Сомсиков Александр Иванович (Aleksandr Ivanovich Somsikov)

Аннотация. Комментарий к просмотру фильма Сокурова «Телец».

Приложен перевод статьи с русского языка на английский.

Abstract. Commentary on watching Taurus by Sokurov. Attached is the translation of the article from Russian into English.

I always watch little and cautiously domestic films, as there is a great risk of getting caught up in some other crap.

But I watched this film directed by Alexander Sokurov for the sake of the script by the interesting writer Yuri Arabov.

And here it is simply super-revolutionary to show Lenin without his trousers, you had to think of that. The film is from 2000, but it was probably made in 1999, which means it was made under Yeltsin.

It's interesting in general, if it weren't for the individual scenes.

Here's a comparison of how the English and Russians 'see' history in general. The former is Dickens, the latter is Gogol.

The chosen plot is basically the same: four gentlemen at Dickens' go travelling, taking travel notes (The Posthumous Papers of the Pickwick Club). Everything they observe is entertaining and *amusing*, there is nothing vile or disgusting.

Gogol has basically the same thing: three characters, one of whom is Chichikov, another is his servant Petrushka, and the third is Selifan the coachman, also embarking on their journey but through Russia.

And all at once the picture changes radically. First of all, the characters: the nobleman is neither this nor that, not fat, but not thin, in short, a man *without a face*.

Servant Petrushka is even worse: his *feet* aren't washed, unlike in cultured England, where you can even wash from a basin (the hand-washing bowl hasn't been invented yet) (Fig. 1).

Fig. 1. English 'facilities' for a true gentleman's hygiene

But the main accusation... he likes to read books. His very name IN OUR EUROPEAN WAY is Pierrot, and this is a carnival mask depicting a *jester* who can and should be beaten with sticks all the time.

The books he is reading understandably belong to the nobleman, as he has no money to buy them. And most importantly, these books contain words that 'the hell knows what they mean'. But even that does not stop him, his passion for learning is so great.

They don't explain to us at school what that means, of course. The implication, of course, is that Petrushka is impenetrably stupid.

But anyone who has ever held a book in their hands, or even seen a 19th-century book, will know what it means. Back then, it was in fashion to insert into a Russian text *Latin* or *French* words and whole long phrases (in Latin, of course, and of course, without any translation). Because 'any educated person MUST immediately understand it'. And he who does not understand it, for example self-taught Petrushka, is a lunatic and hopeless moron.

Russian writers, like Leo Tolstoy, amused themselves with it. Here is a typical beginning of *War and Peace*.

«– Eh bien, mon prince. Genes et Lucques ne sont plus que des apanages, des поместья, de la famille Buonaparte. Non, je vous previens, que si vous ne me dites pas, que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocites de cet Antichrist (ma parole, j'y crois) – je ne vous connais plus, vous n'etes plus mon ami, vous n'etes plus my faithful slave, comme vous dites. Well, hello, hello. Je vois que je vous fais peur, sit down and tell me all the news.

It was in July, 1805, and the speaker was the well-known Anna Pavlovna Scherer, maid of honor and favorite of the Empress Marya Fedorovna. With these words she greeted Prince Vasili Kuragin, a man of high rank and importance, who was

the first to arrive at her reception. Anna Pavlovna had had a cough for some days. She was, as she said, suffering from *la grippe*; *grippe* being then a new word in St. Petersburg, used only by the elite. All her invitations without exception, written in French, and delivered by a scarlet-liveried footman that morning, ran as follows:

‘Si vous n’avez rien de mieux à faire, M. le comte (ou mon prince), et si la perspective de passer la soirée chez une pauvre malade ne vous effraye pas trop, je serai charmée de vous voir chez moi entre 7 et 10 heures. Annette Scherer’.

‘Dieu, quelle virulente sortie!’ replied the prince, not in the least disconcerted by this reception. He had just entered, wearing an embroidered court uniform, knee breeches, and shoes, and had stars on his breast and a serene expression on his flat face. He spoke in that refined French in which our grandfathers not only spoke but thought, and with the gentle, patronizing intonation natural to a man of importance who had grown old in society and at court. He went up to Anna Pavlovna, kissed her hand, presenting to her his bald, scented, and shining head, and complacently seated himself on the sofa.

‘Avant tout dites-moi, comment vous allez, chère amie? Set your friend’s mind at rest,’ said he without altering his tone, beneath the politeness and affected sympathy of which indifference and even irony could be discerned.

‘Can one be well while suffering morally? Can one be calm in times like these if one has any feeling?’ said Anna Pavlovna. ***‘You are staying the whole evening, I hope?’***

‘And the fete at the English ambassador’s? Today is Wednesday. I must put in an appearance there,’ said the prince. ***‘My daughter is coming for me to take me there’.***

‘I thought today’s fete had been canceled. Je vous avoue que toutes ces fetes et tous ces feux d’artifice commencent a devenir insipides’.

‘If they had known that you wished it, the entertainment would have been put off,’ said the prince, who, like a wound-up clock, by force of habit said things he did not even wish to be believed.

‘Ne me tourmentez pas. Eh bien, qu’a-t-on decide par rapport a la depeche de Novosiizoff? Vous savez tout.’

‘What can one say about it?’ replied the prince in a cold, listless tone. ***‘Qu’a-t-on decide?’***

This puts modern readers in the same position as Petrushka.

Nowadays, French is not compulsory in school, so translations are added. But in the 19th century it wasn't required, it was clear to everyone except the *uneducated* Petrushka.

Today's writers, Pelevin for example, entertain themselves in exactly the same way. But only with English texts, 'since any educated person etc.'

Now let's imagine a different picture. English books will have the exact same inserts in Russian, typed in Cyrillic, which ANY EDUCATED ENGLISHMAN is also obliged to understand without any translation. And what will be the result with English Petrushka? Even if he is a 'gentleman'.

There is nothing to say about Selifan the coachman. And this trio travels through Russia, seeing continuous darkness and impassable horror.

What in England was amusing and CHEERFUL, in our country *and only here* is monstrous and awful.

And this is hardly a joke, rather a wicked satire. So the traditions of today's 'liberal' spokesmen stretch back to the days of Gogol.

It is a matter of attitude

First of all, the title of the film is not even clear.

What kind of Taurus are they referring to?

The Golden Taurus, which caused the revolution (Fig. 2) (Dogma).

Fig. 2. The Golden Taurus, the cause of all wars and revolutions
Or a kind of sacrifice 'for a just cause' (Fig. 3).

Fig. 3. Sacrificing a sacrificial calf

According to the story, it should be Lenin, who is burnt out at work, sacrificing himself 'for the cause of the revolution'.

There is an interesting trend in the development of this image.

At first, Lenin was depicted by narrators in the spirit of Vasilisa the Wise: ‘waving her left hand made a lake, waving her right hand made white swans sailing on the water’.

Here is Lenin writing guidelines on his knee (Fig. 4).

Fig. 4. Lenin is writing guidelines on his knee

Waving his hand to the left, people run somewhere (Fig. 5).

Fig. 5. Waving his hand to the left, people run somewhere

Waving his hand to the right, people also go somewhere.

Now another twist: Lenin as an antique bather (Fig. 6-7).

Fig. 6. Antique bather

Fig. 7. Lenin as an antique bather

With an interesting display of his arse (Fig. 8).

Fig. 8. Lenin getting his temperature taken

Stalin is also shown creatively: he arrives to check on the sick and, in a pique to Trotsky, has his picture taken with him on the famous bench. So, what are the complaints about him?

They're found immediately, too. And even three. Firstly, he takes too long to get out of the car. Secondly, he's unbuttoned in his overcoat (Fig. 9).

Fig. 9. Stalin in an overly long overcoat unbuttoned

One is tempted to ask (Fig. 10).

Fig. 10. – What should I tell the Buttoned-Up Man? – To unbutton it (Va Banque)

And thirdly, it takes a long time to find the sick man, lost in the passages of the palace. That's how a *real* artist knows how to highlight 'the main thing'.

The real Stalin, contrary to Sokurov's opinion, was neat (Fig. 11).

Fig. 11. Stalin entering the tribune of the mausoleum

There is no unbuttoning to be seen.